

ЛОРЕТТА ЧЕЙЗ

**Недоступная
и желанная**

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-34

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Loretta Chase

THE LAST HELLION

Перевод с английского *А.М. Фроловского*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Чейз, Лоретта.

Ч-34 Недоступная и желанная : [роман] / Лоретта Чейз ; [пер. с англ. А.М. Фроловского]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-105284-3

Лидия Гренвилл и не надеялась выйти замуж за представителя лондонской аристократии — кто возьмет в супруги девушку, посвятившую всю свою жизнь написанию приключенческих романов и непростому делу борьбы за спасение лондонских девушек из публичных домов? К тому же у Лидии совсем не оставалось времени на поклонников, ухаживания и прочую романтическую чушь.

Однако все изменилось после случайной встречи с Виром Мэллори, герцогом Эйнсвудом, — самым завидным титулованным холостяком и повесой столицы. Вир, привыкший к легким победам, был ошеломлен, встретив резкий отпор, — и чем больше Лидия отдаляется от него, тем настойчивее он охотится за прекрасной горячкой. Охотится, сам не замечая, как азарт перерастает в подлинную страсть...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Loretta Chekani, 1998
© Перевод. А.М. Фроловский, 2017
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105284-3

Пролог

*Лонглендз, Нортхэмптоншир
Сентябрь, 1826 г.*

Родовое имя герцога Эйнсвуда было Мэллори. Геральдические исследования сходятся на том, что предки его прибыли из Нормандии в двенадцатом веке и обосновались в Англии вместе с еще несколькими семействами, представителей которых также называли Мэллори. Этимологически это слово сродни такому понятию, как «несчастье» или «неудача». Но если судить по ранней истории семейства Эйнсвудов, то наиболее точным переводом их родового имени было бы «Беда», причем именно так — с большой буквы. Одни предки герцога жили долго, другие совсем немного. Тем не менее судьба каждого из них была нележкой из-за постоянных проблем, связанных с их нравом. Все они не могли обойтись без проказ, зачастую отнюдь не безобидных, и порой совсем диких выходок, дурная слава о которых распространялась далеко за пределы их владений. Такова уж была их натура.

Однако времена меняются, а вместе с ними и люди. Начали меняться, приспособливаясь к спокойной, мирной жизни, и представители этого мятежного рода.

Особенно преуспел в этом скончавшийся десять лет назад четвертый герцог Эйнсвуд. Будучи последним представителем своего поколения в роде Мэллори, этот старый распутник с годами сумел прослыть весьма уважаемым джентльменом и сделать так, что представители семейства стали заслуженно считаться людьми вполне уважаемыми и даже целомудренными.

Правда, имелось одно исключение — единственный сын младшего брата четвертого герцога. Вир Эйлуин был последним из Мэллори, полностью унаследовавшим от

далеких предков пристрастие к безумствам. Более шести футов роста, он был самым высоким, самым красивым и при этом самым необузданным из всех представителей семейства. От отца Вир унаследовал прекрасные густые волосы цвета спелого каштана и темно-зеленые глаза, излучающие те самые лихость и зов греха, перед которыми на протяжении веков не смогло устоять бесчисленное множество женщин разных поколений и возрастов. Сам Вир в свои тридцать два года меру греха, допускаясь не самым строгим общественным мнением для молодого мужчины, перекрыл с лихвой и останавливаться не собирался.

В данный момент путь его лежал через большой лес поместья Лонглендз — загородной резиденции герцогов Эйнсвудов, — а целью прогулки являлась расположенная в ближайшей деревушке таверна «Заяц и голубка». Дорогу Вир скрашивал, насмешливо напевая баритоном текст англиканской заупокойной молитвы на мотив баллады весьма фривольного содержания.

За последние десять лет Виру приходилось так часто выслушивать похоронную службу, что он выучил ее наизусть от самой первой строфы «Я есмь воскресение и жизнь» до заключительного «Аминь».

«Поскольку Богу Всемогущему, — раздавалось по округе, — по великой милости Своей было угодно забрать душу нашего брата...»

На слове «брата» пение оборвалось. Вир замер, ощутив, как непроизвольно напряглись широкие плечи, сдерживая конвульсивные подергивания, сотрясающие его могучее тело. Он уперся рукой в ствол ближайшего дерева, скрипнул зубами, плотно закрыл глаза и постарался ослабить очередной приступ раздирающего сердце горя. Вир напомнил себе, что за последние десять лет это были далеко не единственные похороны близких и что он уже пролил достаточно слез за семь дней, прошедших с последнего вздоха кузена Чарли, пятого герцога Эйнсвуда.

Чарли лежит сейчас в склепе вместе с другими родственниками, души которых «было угодно забрать» Всемогущему Богу за десятилетие, ставшее для их семейства временем почти непрерывных похорон. Началось с кончины четвертого герцога, в девять лет заменившего Виру отца. Затем смерть поочередно унесла братьев Чарли, их сыновей и вдов, скончались несколько незамужних родственниц, покинули этот мир жена Чарли и их старший сын.

Однако, несмотря на столь обширный список потерь, именно последние похороны произвели на Вира особенно тяжелое, почти невыносимое впечатление. Дело не только в том, что он любил Чарли больше всех остальных Мэллори. Чарли был одним из трех человек на всем свете, к которым Вир относился действительно как к братьям. Двое других — это Роджер Барнес, виконт Уорделл и Себастьян Баллистер, четвертый маркиз Дейн. Последнего, мрачного гиганта, более известно по прозвищу Лорд Вельзевул, даже родственники считали позором рода Баллистеров и темным пятном на их славном гербе. Дейн и Уорделл были постоянными приятелями во всех небезызвестных приключениях со времен учебы в Итоне. Однако Уорделл погиб в пьяной драке на конном дворе шесть лет назад, а Дейн несколько месяцев спустя махнул на континент и, похоже, навсегда решил обосноваться в Париже.

Ни одного из друзей рядом с ним теперь не было. Что касается родственников, то, помимо самого Вира, остался лишь один представитель мужского пола основной ветви Мэллори — младший сын Чарли девятилетний Робин, шестой герцог Эйнсвуд.

Чарли оставил после себя еще и двух дочерей. К людям, учитывающим женщин в родословном древе, Вир никак не относился, и факт этот достоин упоминания лишь в виду завещания. В нем Чарли назначал Вира, как ближайшего взрослого родственника-мужчину, опекуном своих детей. Опекунство это, конечно, не требовало каких-то конкретных действий. Члены семьи восприняли возложение этой обязанности на последнего Мэллори-озорника как дань традициям, не более того. Все они, включая самого Чарли, слишком много знали о характере и поведении Вира, чтобы доверить ему воспитание невинных детей. Никто не сомневался, что этим займется одна из замужних сестер Чарли.

Другими словами, изначально предполагалось, что звание опекуна будет для Вира чисто номинальным. Сам он даже толком не взглянул на своих подопечных за все семь дней, прошедшие с тех пор как он приехал в Лонглендз. Приехал, надо сказать, как раз вовремя, чтобы успеть проститься с Чарли.

А вообще все происходящее до ужаса напоминало то, что напроорочил десять лет назад перед своей смертью дядюшка сидящему у его постели Виру. «Я видел это, видел, как они собрались вокруг меня, — рассказывал он. — Они ходили взад и вперед, входили и выходили. Несчастные.

Помнишь у Иова? “Как цветок, он выходит и опадает...”. Двое моих братьев “опали” еще задолго до твоего рождения. Затем твой отец. А сегодня я видел их, моих сыновей: Чарльза, Генри и Вильяма. — Был ли это просто бред умирающего? — “... как тень, и не останавливается”. Я видел их всех, все они тени. Что это значит, парень?»

Вир тогда подумал, что старик потихоньку теряет рассудок. Сейчас он понимал куда больше.

Да уж. Все они тени.

— Все сходится, черт побери, — пробормотал Вир, резко отстраняясь от дерева. — Будь проклято твое пророчество, дядюшка!

С этими словами он вернулся к прежнему занятию: пошел вперед, еще громче распевая молитву на неподходящий мотив и время от времени поднимая глаза к небу. Хорошо знающий Вира человек, увидев его в этот момент, сразу же понял бы, что тот попросту дразнит Всевышнего точно так же, как часто дразнил своих приятелей. Вир Мэллори, как обычно, искал беду на свою голову и был готов потягаться с самим Господом.

Ответной реакции, однако, не последовало. Кошунственная молитва, распеваемая искателем приключений, уже заканчивалась, а от Провидения не последовал ни удар молнии, ни хотя бы какой-нибудь менее заметный знак недовольства. Вир уже собрался было перейти к последнему из того, что помнил из богослужебных текстов — краткому коллекту*, как вдруг услышал за спиной треск ломающихся ветвей и шорох листвы под чьими-то торопливыми шагами. Он повернулся... И увидел призрак.

Нет, конечно же он увидел не привидение, а сына покойного. Это был Робин, такой же светловолосый и болезненно худой, как его отец, с такими же глазами цвета морской волны. Проницательного взгляда этих глаз Вир не мог вынести при жизни Чарли, но этого так не хватало ему сейчас.

Мальчик бежал прямо на него, поэтому улизнуть было уже невозможно. Собственно, прятаться Вир и не собирался, однако при виде Робина он неожиданно ощутил острый приступ скорби и, к пущему своему стыду, злости. Да, его душило негодование из-за того, что этот мальчик жив, а его отец ушел навсегда, и побороть это чувство Вир никак не мог.

* Коллект — краткая молитва во время обедни, принятая в англиканской церкви. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Он смотрел на мальчишку, стиснув зубы. Приветливым этот взгляд назвать было никак нельзя, что заставило Робина остановиться и сделать несколько шагов назад. Лицо мальчика покраснело, глаза сверкнули. И вдруг, опустив голову, он бросился на Вира и боднул обескураженного опекуна в живот.

Хотя живот Вира, как и другие части его мускулистого тела, был не многим мягче, чем колода для колки дров, парнишка не только продолжил бодаться, но и усилил атаку с помощью кулаков. Учитывая разницу в возрасте, габаритах и весе, бешеные усилия юного герцога напоминали попытки сумасшедшего Давида свалить Голиафа. Ни за одним из Мэллори новых цивилизованных поколений не значилась способность к подобным неспровоцированным, отчаянным и практически безумным действиям. Однако Вир цивилизованным Мэллори не был. Он это знал и ничего не мог с этим поделать. Вир стоял на месте, позволяя Робину осыпать себя не наносящими никакого вреда ударами, и вспоминал, что точно так же стоял много лет назад дедушка Робина, когда его яростно пинал сам незадолго до этого осиротевший Вир. Душившая его тогда злость на свое бессилие мешала думать. Только и оставалось, что расплакаться. Но об этом в тех обстоятельствах не могло быть и речи.

Как и в свое время Вир, Робин не переставая колотил маленькими кулачками стоявшего, будто столб, взрослого мужчину, пока окончательно не выбился из сил. Руки его обвисли, и он, тяжело дыша, опустился на землю.

Глядя на эту умилительную картину, Вир тщетно попытался вызвать в себе злость и раздражение, которые испытывал всего мгновение назад. Он попробовал внушить себе, что следует послать этого мальчишку к черту и уж, по крайней мере, не пытаться что-то сделать для него, но вдруг понял, что не сможет даже просто уйти. Перед ним был сын Чарли, причем, судя по всему, доведенный до отчаяния. Ведь чтобы разыскать своего беспутного дядюшку, пареньку потребовалось ускользнуть из-под бдительного наблюдения родственников и слуг и не побояться одному отправиться в темный лес. Что толкнуло его на столь отчаянный поступок, неизвестно. Однако совершенно ясно, что сам Робин связывал с ним что-то, чего сам Вир не знал.

Он подождал, пока дыхание Робина восстановилось и вошло в нормальный ритм, затем помог ему подняться.

— Видишь ли, ты не должен приближаться ко мне ближе чем на милю, — сказал Вир. — Я дурно влияю на окружающих. Кто угодно тебе об этом скажет. Спроси хотя бы своих тетушек.

— Они все плачут, — проворчал Робин, опустив глаза на свои разбитые ботинки. — Без конца плачут. И говорят со мной мягко, как с маленьким.

— Да, это ужасно, — согласился Вир, нагибаясь, чтобы поднять куртку мальчика.

Робин посмотрел на него... посмотрел глазами Чарли, только более молодыми и доверчивыми. В своих глазах Вир неожиданно ощутил легкую резь. Вир выпрямился, прочистил горло и произнес:

— Я собираюсь уехать от них. Думаю отправиться.. ээ... в Брайтон. — Он остановился, молча обозвав себя идиотом за неожиданную выдумку. Однако ведь именно к нему пришел этот мальчик, и отец этого мальчика ни разу не оставлял его в трудной ситуации. Конечно, пока был жив. — Хочешь поехать со мной? — спросил Вир.

— В Брайтон?

— Я же сказал.

Устремленные на него глаза, такие наивные, заблестели.

— Туда, где Павильон, да?

Вир подумал, что грандиозность архитектурной фантазмагии, известной как Королевский Павильон, была под стать представлению Георга IV о загородных резиденциях восточных монархов и действительно стоила того, чтобы на нее посмотреть.

— Когда я последний раз был в Брайтоне, Павильон там, вроде, стоял, — сказал Вир вслух и пошел в сторону дома.

Подопечный немедленно последовал за ним почти бегом, стараясь приспособиться к широким шагам опекуна.

— Павильон такой же чудесный, как на картинках, дядя Вир? Правда, что он похож на дворец из «Тысячи и одной ночи»?

— Думаю начать сборы прямо завтра утром, — сказал Вир. — Чем скорее уедем, тем быстрее ты сам сможешь ответить на свой вопрос.

Если бы это зависело от Робина, то отъезд состоялся бы прямо в сию минуту, если бы от его тетушек и их мужей, то он бы вообще никогда не уехал. Но Вир все решил сам и, как он заявил родственникам чуть позже, не

собирался ни с кем обсуждать свое решение: ребенок официально находится под его опекой, а следовательно, ему не требуется чьего-либо разрешения, чтобы отвезти Робина хоть в Брайтон, хоть в Бомбей, если, конечно, этого пожелает сам мальчик.

Робин выразил свое отношение молча, хотя без шума не обошлось. В один прекрасный момент дом сотрясли глухие удары. Члены семьи выскочили из гостиной, где шли переговоры, как раз вовремя: юный герцог волочил свой дорожный саквояж по главной лестнице, а затем через просторный холл в переднюю.

— Теперь видишь? — обратился Вир к Доротее, младшей сестре Чарли, громче и дольше других протестовавшей против отъезда Робина. — Робин ждет не дожидается, когда уедет отсюда. Вы чертовски скучные люди, по крайней мере многие из вас. Ваши слезы, приглушенная речь, траурный креп и бомбазин — вот что его здесь окружает. И это пугает парня. Все мрачно, а взрослые постоянно плачут. Вот Робин и хочет уехать со мной, потому что я большой и шумный. Потому что я могу распугать всех чудищ. Неужели ты не понимаешь?

Поняла Доротеея или нет, но она уступила. Остальные последовали ее примеру. В конце концов, речь шла всего о нескольких неделях. Даже Вир Мэллори не способен необратимо извратить моральные устои ребенка за столь малый срок.

Вир совсем не собирался растлевать мальчика и был твердо намерен вернуть его в Лонглендз не позже чем через две недели. Он был уверен, что не сможет заменить Робину отца, поскольку совсем не подходил для этой роли. Жены у него не было, и связывать себя узами брака Вир не собирался. Зачем ему жена, которой придется только тем и заниматься, что пытаться сгладить своей мягкостью и всяческими женскими штучками его грубость и неотесанность? Штат слуг Вира состоял из одного человека — камердинера Джейнеса, из которого нянька, как из страдающего дурным пищеварением дикобраза. К тому же «штат» этот вместе со своим хозяином со времен отъезда из Итона не имел постоянного обиталища. Короче говоря, у Вира не имелось никаких условий для воспитания ребенка, особенно если учесть, что ребенок этот носил громкий титул герцога.

И тем не менее, запланированные две недели как-то незаметно растянулись на месяц, а затем и еще на

один. Из Брайтона Вир с Робинотом отправились в Беркшир, а оттуда в Долину Белой Лошади, чтобы осмотреть знаменитое изображение, сделанное на склоне мелового холма в доисторические времена. Естественно, что там они решили посетить Стоунхендж и поехали на запад, осмотрев по пути достопримечательности Вест Кантри, за чем последовала поездка на побережье с исследованием пещер контрабандистов, расположенных на всем пути до мыса Лэндз-энд. Осень, становясь все более холодной, незаметно сменилась зимой, которая, в свою очередь, перешла в весну.

Через какое-то время стали приходить письма от Доротеи и других родственников с вежливыми, но весьма прозрачными намеками. Суть их сводилась к тому, что образование Робина не терпит легкомысленного и безразличного отношения, что сестры скучают по нему и, чем дольше мальчик будет странствовать, тем труднее будет осесть там, где ему предназначено жить. Это было правдой. Вир сам неоднократно говорил себе: Робину необходимы настоящая семья и настоящий дом. К тому же Вир начал понимать, что ему с каждым днем все труднее расстаться с мальчиком, труднее вернуть его в Лонглендз.

Однако именно так Вир и должен был поступить, тем более что усадьба, как выяснилось по приезду, была теперь совсем не мрачной, как раньше. Доротея и ее муж жили там постоянно вместе с сестрами Робина и своими детьми. В доме вновь зазвучали детские песенки и смех, и Вир должен был признать, что, несмотря на наличие в соответствии с традицией крепя, черных рамок и бомбазина, обстановка в Лонглендзе становилась все менее траурной. Было очевидно и то, что сам Вир уже сделал все, что должен был сделать. Вне всякого сомнения, он сумел разогнать чудищ, мучивших мальчика. За пару часов тот сумел сблизиться со своими кузенами — сыновьями Доротеи, и они вместе принялись дразнить девочек. В общем, когда пришло время прощаться, в Робине не чувствовалось ни малейших признаков страха или растерянности. Он не проявил своего взрывного характера ни грубостью, ни тем более пинками, наоборот, с удовлетворением воспринял обещание опекуна приехать вновь в конце августа к его десятому дню рождения и, в свою очередь, обещал добросовестно писать письма, затем повернулся и побежал к кузенам разыгрывать битву при Азенкуре.

10 Вир, однако, вернулся задолго до дня рождения. Не

прошло и трех недель с отъезда из Лонглендза, как он снова помчался туда.

Шестой герцог Эйнсвуд заболел дифтерией!

Эта болезнь была еще мало изучена. Первое серьезное ее описание опубликовали во Франции только лет пять назад. Единственное, что было понятно и не оспаривалось никем: дифтерия очень заразна. Сестры Чарли умоляли Вира не подходить к больному, мужа их пытались остановить его силой. Однако он был гораздо крупнее любого из них, а учитывая ярость, которая в тот момент его обуревала, удержать Вира не смог бы и отряд солдат.

Подобно всеокрушающей буре, он взмыл вверх по главной лестнице, промчался по холлу, ворвался в комнату больного и прогнал испуганную сиделку. Заперев дверь, Вир присел около кровати и осторожно взял худенькую ослабевшую руку подопечного в свою руку.

— Все нормально, Робин, — сказал он. — Я здесь, и я поборюсь за тебя. Не беспокойся и предоставь это мне. Слышишь меня, парень? Гони прочь эту мерзкую хворь, доверь мне схлестнуться с ней. Я сумею с ней справиться. Ты знаешь, что сумею.

Холодная маленькая рука лежала неподвижно на огромной теплой ладони.

— Ты брось это... Пожалуйста, — потребовал Вир, борясь с подступающими слезами и загоняя вглубь предчувствие беды. — Тебе слишком рано, Робин, пойми. Твоя жизнь еще только началась. Ты видел лишь крошечную часть из того, что должен увидеть и узнать.

Веки юного герцога дрогнули и приподнялись. В глазах блеснуло что-то похожее на понимание, на губах мелькнула призрачная улыбка. Затем глаза снова закрылись.

Больше никакой осмысленной реакции на усилия Вира не наблюдалось. Он не останавливаясь разговаривал с Робинном, просил и молил, сжимал и разжимал руку мальчика. Но извлечь болезнь из его тела и переложить в свое он не мог. Как и много раз ранее, ничего иного не оставалось, кроме как наблюдать и ждать. На этот раз ожидание было недолгим, пожалуй, самым коротким из всех, какие пришлось пережить Виру и, безусловно, самым тяжелым.

Менее чем через час, когда сумерки были поглощены тьмой ночи, жизнь мальчика выпорхнула из его тела и рас-творилась...

Глава 1

*Лондон,
27 августа, среда 1887 год*

— Я засужу их, — прорычал Ангус Макгоуэн. — Имеются же законы против клеветы в этом королевстве! А если это не клевета, то я вонючее бычье яйцо!

Огромная черная мастифиха, дремлющая у редакторского кабинета, подняла голову и удивленно посмотрела кроткими глазами сначала на Макгоуэна, а затем на свою хозяйку. Убедившись, что последней ничего не угрожает, собака вновь положила голову между лап и закрыла глаза.

Хозяйка, двадцативосьмилетняя Лидия Гренвилл, смотрела на Макгоуэна столь же бесстрастным взглядом. Эта девушка с золотистыми волосами, голубыми глазами и ростом, на несколько дюймов меньше шести футов, была не из тех, кого легко смутить. Ее чувствительность к подобным вещам была примерно такой же, как у валькирий или амазонок. Столь же сильным и быстрым, как у этих мифических воительниц, было ее тело. При этом последние эпитеты полностью подходили и к ее уму.

Когда Макгоуэн с шумом швырнул объект своего раздражения на стол, она лишь подняла на него совершенно спокойные глаза.

Объектом взрыва явился последний номер «Белвезер ревью», где, как и в предыдущем, на первой странице размещалось несколько колонок с нападками на очередное журналистское достижение Лидии:

«Та, что скрывается под именем леди Грендель, снова нанесла через “Аргус” вредоносный удар ничего не подозревающей публике, извергнув новое ядовитое облако в атмосферу, и без того уже густо насыщенную ее ядовитыми испарениями. Жертвы ее, еще не оправившиеся от предыдущих атак на их благородные чувства, вновь брошены в бездну деградации, порожденную смрадными флюидами заживо гниющих порочных существ. Брошены одной из тех, кого с трудом можно отнести к человеческим существам — уж слишком они напоминают хищников. То, что она сделала предметом своих выступлений, та напоминающая кучу экскрементов какофония рассуждений о жалости не позволяют нам именовать ее иначе как монстром Аргуса* в юбке...»

На этом месте Лидия прекратила чтение.

— Он полностью потерял контроль над логикой и стилем изложения, — сообщила она Ангусу. — Однако человек не может быть осужден только за то, что не владеет пером. Равно как и за отсутствие оригинальности. Насколько я помню, первым произвело меня в монстры «Эдинбургское обозрение», окрестив Беовульфом. Что касается имени леди Грендель*, я в любом случае не думаю, будто кто-то обладает монополией на его использование.

— Это недопустимый выпад! — выкрикнул Ангус. — В следующих абзацах он переходит к прямым оскорблениям и утверждает, что внимательное изучение твоего прошлого привело бы... Доказало бы...

— Несомненно, объяснило бы причину более чем странной симпатии мегеры-Аргуса к древней профессии, которая, как говорится, неразрывно связана с пороком и растлением, — зачитала вслух Лидия.

— Клевета! — закричал Ангус, ударив кулаком по столу.

Мастифиха вновь подняла глаза, хрипло вздохнула и снова погрузилась в дремоту.

— Он всего лишь утверждает, что я была проституткой, — уточнила Лидия. — Харриет Уилсон** была настоящей шлюхой, однако ее книги до сих пор пользуются популярностью. Если бы мистер Белвезер обличил ее в печати, она бы и вовсе заработала целое состояние. Он и его ребята, вне всякого сомнения, помогают нам в наших делах. Предыдущий тираж «Аргуса» был распродан за сорок восемь часов. Сегодняшний номер уйдет до вечернего чаепития. С тех пор как литературная периодика начала нападать на меня, наши продажи утроились. Вместо того чтобы подавать в суд на Белвезера, вам следовало бы написать благодарственное письмо и пожелать ему новых успехов.

Ангус опустил в стоящее за его столом кресло.

— У Белвезера есть друзья в Уайтхолле, — проворчал он. — И в министерстве внутренних дел у него тоже водятся приятели, которые расположены к тебе далеко не дружелюбно.

* Грендель — чудовище из англосакской эпической поэмы «Беовульф».

** Харриет Уилсон (1786—1845)— знаменитая куртизанка, в число ее клиентов входили принц Уэльский, лорд-канцлер и четверо будущих премьер-министров. Писала мемуары, которыми шан-тажировала своих любовников.

В том, что в кругах, близких к министерству внутренних дел, некоторые ее идеи многим пришлись не по душе, Лидия не сомневалась. Уже в первой из двух серий своих статей, посвященных бедственному положению молодых жриц любви, она предложила легализовать проституцию. Это дало бы властям возможность лицензировать эту сферу деятельности и тем самым контролировать ее, как, например, это происходит в Париже. Схема регулирования, о которой шла речь, способствовала бы уменьшению числа случаев издевательств над женщинами.

— Пиль* должен быть мне благодарен, — сказала Лидия. — Мои идеи кажутся многим столь ужасными, что его предложение относительно службы столичной полиции представляется на их фоне более чем умеренным и благоразумным. Ведь это те самые люди, которые вопили о тайном заговоре с целью загнать Джона Булля** под пяту тирании. Да уж, тирания, — пожалала плечами Лидия. — Да имей мы настоящую полицию, эта злодейка давно уже была бы арестована.

Определение «злодейка», безусловно, относилось к Коралии Бриз. За шесть месяцев, прошедших со времени ее приезда с континента, эта женщина успела снискать славу самой наглой и жесткой бандерши Лондона. Работающие на нее девушки соглашались рассказать свои истории только при условии, что Лидия не станет раскрывать имя их хозяйки. Впрочем, обнародование имени владелицы публичного дома вряд ли могло существенно помочь делу правосудия. Уход от внимания властей был для организаторов этого бизнеса той игрой, где они не знали равных. Они меняли имена так же часто и легко, как в свое время это проделывал отец Лидии, чтобы скрыться от кредиторов, и, подобно крысам, мгновенно перебежали из замеченной норы в следующую. Не было ничего удивительного в том, что после подобной метаморфозы на Боу-стрит не осталось и следа от интересующей Лидию бандерши и найти ее представлялось делом весьма проблематичным. Между тем в Лондоне подвизались более пятидесяти тысяч проституток, многим из которых не исполнилось и шестнадцати лет.

* Пиль Роберт (1788–1850) — английский государственный деятель, автор идеи создания лондонской муниципальной полиции и с 1829 года первый ее руководитель.

** Джон Булль — собирательный образ типичного

— Однако ты видела ее, — сказал Ангус, прерывая охвативший Лидию приступ мрачной рефлексии. — Почему ты не натравила на нее своего монстра? — кивнул он в сторону собаки.

— Ничего путного из ареста этой негодяйки выйти не могло, поскольку не нашлось бы ни одного человека, настолько смелого, чтобы дать против нее свидетельские показания, — раздраженно ответила Лидия. — Пока власти не схватят ее на месте преступления, а она чертовски осторожна, нам просто не в чем ее обвинить. Нет ни доказательств, ни свидетелей. А крошка Сьюзен в данном случае мало чем может помочь, разве что покалечить мерзавку или убить.

Сьюзен при упоминании своего имени приоткрыла один глаз.

— Но если собака по моей команде сделает это, меня посадят или вовсе повесят за нападение на человека, — продолжила Лидия. — А мне вовсе не светит быть повешенной из-за отвратительной содержательницы притона.

Она положила «Белвезер ревию» на письменный стол и взглянула на свои карманные часы. Часы эти достались ей от двоюродного дедушки Стивена Гренвилла. Он и его жена Ефимия взяли Лидию к себе, когда ей было тринадцать лет. Супруги умерли почти одновременно, с разницей всего в несколько часов. Лидия искренне любила их, но о жизни с этой безалаберной парой вспоминала без особого сожаления. В моральной распушенности, в отличие от ее отца, их никто не упрекнул. Но они были людьми поверхностными, мало воспитанными, неорганизованными и страдающими в острой форме тягой к перемене мест. Спеша отряхнуть со своих ног пыль странствий, они не успевали дожидаться, когда осядет облако, поднятое их дорожными ботинками. Места, которые достигала вместе с ними Лидия, были разбросаны от Лиссабона на западе до Дамаска на востоке и находились во всех странах южного побережья Средиземного моря.

Зато сейчас она с полным правом говорила себе, что, если бы не навыки той беспокойной жизни, она ни за что не смогла бы работать с редактором, постоянно взрывающимся из-за каждой мелочи и закипающим при любом упоминании о конкурентах.

На губах Лидии появилось нечто похожее на улыбку — она вспомнила свой первый журнал, который начала делать, подражая умершей и так горячо любимой маме.